

*НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ
(ВМЕСТО ПРЕДИЛОВИЯ)*

Альманах «Религия. Церковь. Общество» был задуман как надконфессиональная, находящаяся вне мировоззренческих споров, площадка для публикации исследовательских и дискуссионных материалов, связанных с научным изучением религии. С момента публикации первого выпуска прошло уже пять лет, но основная концепция издания не изменилась; в условиях интенсивной институционализации научной теологии в российском академическом пространстве подобное издание востребовано религиоведами, теологами, преподавателями светских вузов и духовных семинарий, исследователями религиозной и духовной культуры, специалистами в различных областях социальных исследований и гуманитаристики. Учитывая многообразие исследовательских подходов к изучению религиозных феноменов и невозможность «объять необъятное», на которую в XIX в. указал Козьма Прутков, редколлегия определила в качестве наиболее приоритетных направлений развития публикации в области теологии, истории и философии религий, что, разумеется, не исключает иных подходов.

Как уже было выше отмечено, с момента издания первого выпуска альманаха прошло пять лет. За это время в результате зачастую ожесточенных споров последовательно совершалась академическая институционализация теологии, важнейшими этапами которой стали создание первого в России диссертационного совета по теологии, входящего в систему диссертационных советов ВАК, и избрания Экспертного совета по теологии ВАК Министерства образования Российской Федерации. Комментируя создание последнего, московский ученый П. Костылев отметил, что он «включает в себя специалистов, относящихся ко всем областям наук, аффилированных в корпус теологии согласно принятому паспорту ВАК по этой специальности

и обращенных к исследованию, пожалуй, почти полного спектра традиционных для современной России монотеистических религиозных систем». Он также выразил уверенность, что работа Экспертного совета станет эталоном высокого качества¹.

Полагаем, что важным событием в календаре научной жизни будущего года станет празднование 500-летия Реформации. Очевидно, что этот юбилей станет значимым информационным поводом для научной активности в области теологии, истории и философии религии, социологии религии, других родственных научных направлений. Уже сейчас запланирован ряд научных конференций и изданий. До настоящего времени научное изучение феномена Реформации остается прерогативой исследователей, чьим основным местом работы являются государственные научные и образовательные учреждения. Коллеги из конфессиональных протестантских школ пока еще на данном направлении не достигли осязаемых успехов. В ожидании от них интересных работ мы хотим обратиться к ним слова известного протестантского хора — может быть, не очень поэтичные, но зато пафосные и хорошо запоминающиеся:

*Соединитесь, братья,
Для славного труда
Союзом благодати
Отныне навсегда².*

Так или иначе, институционализация теологии проходит вполне последовательно и плодотворно. Религиоведение же, к сожалению, в последнее время сталкивается в своем развитии с серьезными проблемами, которые еще далеки от разрешения.

В 1907 г. З. Н. Гипшиус так охарактеризовала состояние отечественного идиодискурса: «Литература, журналистика, литераторы — у нас тщательно разделены надвое и завязаны в два мешка, на одном написано: «консерваторы», на другом — «либералы». Чуть журналист раскроет рот — он уже непременно оказывается в котором-нибудь мешке... Есть сугубо жгучие вопросы, имена, о которых совсем нельзя высказывать своих

¹ Костылев П. Утвержден состав Экспертного совета ВАК по теологии // Научный богословский портал Богослов.RU // URL: <http://www.bogoslov.ru/text/5001284/index.html> (дата обращения: 11. 11. 2016).

² Песнь возрождения 2800. Александрия, 2011. С. 70.

собственных мыслей. Мыслей этих никто не услышит — слушают только одно: одобряешь или порицаешь. Порицаешь — в один мешок, одобряешь — в другой, и сиди, и не жалуйся на неподходящую компанию»³. Важно не допустить формирования подобной стратификации молодого научного сообщества, поскольку последняя чревата подменой научного подхода идеологическим, квазинаучным и паранаучным.

Анализируя тенденции отечественного религиоведения, мы должны обратить внимание на наметившуюся идеологизацию научного дискурса. Это не может не вызывать опасений. В качестве иллюстрации можно привести пример включения в состав религиоведческих подходов так называемого «правозащитного религиоведения»⁴. Представляется, что выделение правозащитной деятельности в рамках *научного религиоведения* не выдерживает критики, поскольку противоречит фундаментальным научным принципам непредвзятости и объективности при формулировании задач и целей исследования.

Так называемое «правозащитное религиоведение» исходит из целого ряда не научных, но идеологических предпосылок, своего рода априорного знания, утверждающего, что в настоящее время на системном уровне происходит нарушение основополагающих принципов свободы совести, осуществляются гонения против «меньшинств», которые нуждаются в силу этого в защите со стороны научного сообщества от репрессивных действий власти предрешающей.

Полагаем, что такая постановка вопроса не только ненаучна, но искажает в угоду политическим идеологемам реальное положение дел. Если исходить из положения о том, что основной задачей научной деятельности является поиск истины, то и очевидно, что защищать в рамках научного подхода следует не идеологемы, не пункты партийных программ, но теоретические положения, способствующие развитию научного осмысления мира. Спекуляции вокруг мифологем о «гонении» и «гонимости» в контексте конспирологического, равно как ностальги-

³ Гиппиус З. Н. Выбор мешка. Углекислота // URL: <http://gippius.com/doc/articles/vybor-meshka.html> (дата обращения: 11. 11. 2016).

⁴ Не путать с юридическим религиоведением — прикладной дисциплиной на стыке религиоведения и юриспруденции.

ческого или героического мифов к этому явно не относятся. Интересно, что и здесь мы наблюдаем действие закона «спрос рождает предложение»: уже формируются сообщества «профессиональных гонимых» и «потомственных гонимых», пытающихся использовать это «качество» как инструмент получения различных преференций, превращая его в своего рода долговую расписку, предъявленную к вечному погашению.

Конечно, настоящая правозащитная деятельность почтенна и достойна уважения. С этим никто не спорит. Может ли ученый быть правозащитником? Почему бы и нет. Ученый вообще многое может: коллекционировать марки и значки, ходить в оперу, даже состоять в профсоюзной организации. Но не менее очевидно, что не все из того, что делает ученый, имеет отношение к науке, где все-таки принято защищать не «меньшинства», а теории и гипотезы, выводы и точки зрения, в крайнем случае — диссертации. Проблема «правозащитного религиоведения» видится, прежде всего, в том, что оно чревато усилением кризиса методов и источниковедения в религиоведении. Уже незабвенный М. А. Булгаков устами проф. Преображенского призвал к разделению труда: а ведь научная деятельность вовсе не тождественна правозащитной⁵.

Говоря о последних событиях, взбудораживших отечественных религиоведов, нельзя обойти стороной дискуссию вокруг экспертизы деятельности Сайентологической церкви Москвы, выполненной доктором философских наук Л. С. Астаховой. Не касаясь сути экспертизы, мы ограничимся теми аспектами проблемы, которые акцентируют научную проблематику и соответствующий дискурс. Для нас данная дискуссия интересна, прежде всего, тем, что она наглядно продемонстрировала предельную политизацию отечественного религиоведения на фоне концептуальной непроработанности сущности религиоведческой экспертизы.

Кратко о сути проблемы: сформулировав и обосновав, что Сайентологическая церковь Москвы не осуществляет

⁵ «Я сторонник разделения труда. В Большом пусть поют, а я буду оперировать. Вот и хорошо, и никаких разрух» (Булгаков М. А. Собачье сердце // URL: <http://www.bulgakov.ru/dogheart/dh3/> (дата обращения: 10. 12. 2016).

собственно религиозную деятельность (Л. С. Астахова определила деятельность этой организации как социальную), эксперт отрицательно ответила на вопрос о наличии в ее деятельности признаков религиозной организации. Суд учел заключение экспертизы и принял решение о ликвидации данного юридического лица. Экспертизе Л. С. Астаховой предшествовали экспертизы других ученых, которые приходили к иным выводам, но суд их не принял во внимание.

Повторим, что не столько экспертиза проф. Астаховой интересна сама по себе, сколько показательна (и может быть предметом отдельного исследования) реакция на нее.

Дело в том, что вскоре после судебного решения в информационном пространстве разразился скандал, который производил впечатление хорошо режиссируемого и управляемого процесса. В адрес эксперта звучали различные, часто противоречивые обвинения: например, в том, что, утверждая хрестоматийный тезис, согласно которому *в основе религии лежит вера*, эксперт нарушает принцип нейтральности (вероятно, по отношению к тем сообществам, для которых главное не вера, но, например, получение налоговых преференций). Кульминацией скандала стала попытка лишить проф. Астахову степени доктора наук — безрезультатная и апеллирующая не к научным выводам диссертации, но формальностям.

Анализируя тон и аргументацию полемики, мы должны констатировать крайнюю предвзятость и противоречивость аргументации. Но оставим частности в плюсквамперфекте. Вопрос на самом деле более сложен и концептуален. Обладает ли эксперт процессуальной самостоятельностью или он связан априорными идеологическими установками?

Ведь сам факт назначения экспертизы предполагает спорность, неясность положений, по которым экспертиза проводится. Вещи однозначные, очевидные не являются обыкновенно предметом экспертного заключения. Но коль скоро проблема признана дискуссионной, откуда такая убежденность, что существует одно единственно возможное ее разрешение? В ином случае непонятно, зачем тогда вообще нужна экспертиза? Ведь на вопросы риторические отвечать не принято, а поиск

истины чреват вероятностью ее нахождения. Поэтому, признавая правомочность религиозоведческой экспертизы как таковой, нельзя обрушивать на эксперта *odium* за наличие самостоятельной точки зрения: вы считаете так, а я с этим не согласен, но «зачем же стулья-то ломать, господа, казне ведь убыток»⁶.

Данный пример показателен как иллюстрация того, с какими сложностями сталкивается незавершенная институционализация отечественного религиозоведения. Еще не сформировавшись в науку, религиозоведческий дискурс уже разрывается идеологическими установками и предпосылками.

Априорно принято считать, что теология отличается от религиозоведения своей изначальной предвзятостью и ангажированностью, но в наших условиях это правило не действует: на фоне баталий религиозоведов теологические дискуссии кажутся этапоном научной объективности.

В последнее время часто приходится сталкиваться с расхожим мнением о том, что только «атеист» может заниматься научным изучением религии. Полагаем, что это очередная идеологема. Используя подобную логику, нетрудно доказать, что изучать атеизм (если вдруг эти исследования станут востребованными) может не только человек глубоко верующий, но и воцерковленный. Но вот с этим адепты расхожего мнения вряд ли согласятся. На самом деле, полагаем, все проще — наукой должны заниматься ученые.

Александр Михайлович Прилуцкий

д. философ. н., профессор,
РГПУ им. А. И. Герцена

(наб. р. Мойки, д. 48/20а, Санкт-Петербург, Россия, 191186)

alpril@mail.ru

Aleksandr Michaylovich Prilutsky

Doctor in Philosophy, professor,

Herzen State Pedagogical University of Russia

(naberejnaya reki Moiki, 48/20a, St. Petersburg, Russia, 191186)

alpril@mail.ru

⁶ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // URL: <http://bookcafe.ru/books.php?id=23&page=53> (дата обращения: 10. 12. 2016).